

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. АКСАКОВА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-60-74

© А. П. ДМИТРИЕВ

«СЛАВА — КАКОЮ... ГРЕМИТ ВАВИЛОН»: К ПОЭТИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ И. С. АКСАКОВА И Н. М. ЯЗЫКОВА ОБ А. О. СМЕРНОВОЙ-РОССЕТ (1845–1846)

В дореформенный период, до того как И. С. Аксаков начал издавать газету «День» (1861–1865) и окончательно избрал своим поприщем публицистическую деятельность, он был больше известен как поэт. Отдельные его поэмы («Зимняя дорога», «Бродяга») и стихотворения обратили на себя внимание Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова. Однако критическое издание поэтических произведений Аксакова предпринималось только единожды, в Большой серии «Библиотеки поэта» (1960),¹ и в нем не ставилась задача с исчерпывающей полнотой воспроизвести все авторские редакции и варианты текста. Эта задача решается ныне в ходе подготовки соответствующего тома Собрания сочинений Аксакова в 12 томах, которое издается с 2015 года при Отделе новой русской литературы Пушкинского Дома.²

Среди поэтических текстов, отложившихся в обширном Аксаковском фонде Рукописного отдела ИРЛИ, был обнаружен неподписанный автограф стихотворения «Юноше», датированный 4 апреля 1846 года.³ Архивисты, признав, что почерк не принадлежит Аксакову, указали в описи, что это «список», а не подлинник, тем не менее стихотворение было атрибутировано Аксакову.

Вместе с тем оно до сего дня не было опубликовано. Приведем его текст:

Юноше

Как много в любезном ее разговоре
Игривых, и бойких, и опытных дум!
Чудесно в ее черно-пламенном зоре
Играет проворный, блистательный ум.

Она очарует своими глазами
И речью, твою откровенную грудь
И сердце тебе переполнит мечтами
Живыми, а прежним не даст идохнуть;

И всё, что свободно в нем жило когда-то,
Глубоко-заветно-родного, что в нем
Доныне берег ты сохранно и свято,
Потухнет и будет тебе нипочем.

¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского; подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. [Л.], 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).

² На сегодняшний день увидели свет два тома (первый из них в двух книгах), в которых начата публикация публицистического наследия писателя.

³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 16. Л. 1.

Душа у нее нечиста и лукава,
Корыстны в ней думы, греховны мечты,
И ей подобает не добрая слава
Чистойшей любви, неземной красоты,

Не слава жены благодушной, смиренной,
Любящей и правду, и честь, и закон;
Но слава — какою давно по вселенной
Гремел и доселе гремит Вавилон.

Апреля 4 дня.

1846.

О какой красавице с «черно-пламенным взором» и «блистательным умом» идет речь в стихотворении, догадаться нетрудно. Это, по всей видимости, не воображаемая соблазнительница, а не кто иная, как Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882), которой, как известно, во второй четверти XIX века посвящали свои произведения многие поэты, начиная с Вяземского и Пушкина. Объединяет все тексты об этой незаурядной женщине образ чарующих «черно-пламенных» очей: «Южные звезды! Черные очи! / Неба чужого огни!» (П. А. Вяземский. «Черные очи», 1828);⁴ «...Ее черкесские глаза. / Она владеет ими смело, / Они горят огня живой...» (А. С. Пушкин. «Ее глаза (в ответ на стихи князя Вяземского)», 1828);⁵ «В свои магические сети / Меня схватила бы Россети! <...> На блеск живых ее очей...» (В. А. Жуковский. «И я веселой жизнью жил...», 1831);⁶ «Она лукаво улыбалась, / В очах живой огонь пылал...» (А. С. Хомяков. «К А. О. Р<оссет>», 1832);⁷ «Как в небе звезды ясные, / Глаза ее горят...» (И. П. Мятлев. «Нечто о некоторой даме из вороных», 1839 или 1840);⁸ «Вы все, кто удивлялись в ней / Уму блистательно-живому <...> И глазок взору огневому...» (Е. П. Ростопчина. «Воспоминанье», 1839),⁹ и др. Не менее пространный цитатный перечень получится, если принять во внимание другую характеризующую черту, связанную со Смирновой-Россет, — ее «блистательный ум»; см.: «ум свободный» (А. С. Пушкин. «В альбом А. О. Смирновой», 1832);¹⁰ «Что делать? — речью безыскусной / Ваш ум занять мне не дано...» (М. Ю. Лермонтов. «А. О. Смирновой», 1840),¹¹ и др.

Как правило, все эти произведения созданы в шутовском духе, в жанре, так сказать, легкого мадригала. На их фоне обнаруженное в архиве стихотворение «Юноше» с его грубоватыми инвективами в адрес Смирновой-Россет стоит особняком. Правда, схожие по смыслу, однако куда менее резкие выпады в ее сторону встречаем в двух поэтических посланиях, обращенных к ней как раз Аксаковым: «Вы примиряетесь легко...» и «Когда-то я порыв негодованья...». Они были написаны в то же время, но немного позднее — летом 1846 года. Не принадлежит ли и правда перу Аксакова стихотворение «Юноше», датированное 4 апреля того же года?

Знакомство С. Т. Аксакова и его сыновей Константина и Ивана с А. О. Смирновой-Россет пришлось на осень 1845 года. О первых месяцах ее общения

⁴ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 221 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 108.

⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 664.

⁷ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2021. Т. 1. С. 167.

⁸ Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 101 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁹ Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 102.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 284.

¹¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 300.

с Аксаковыми известно немало — прежде всего из ее переписки с С. Т. Аксаковым и, особенно, из подробнейших писем И. С. Аксакова к родным и товарищу по Училищу правоведения князю Д. А. Оболенскому. Нет нужды подробно останавливаться на этом эпистолярном материале, поскольку исследователи неоднократно обращались к нему.¹² Не лишне, однако, будет привести сведения об описанных там событиях по другому источнику — неопубликованным письмам В. С. Аксаковой, старшей дочери С. Т. Аксакова, к его племяннице М. Г. Карташевской. Они, как и вся двусторонняя переписка девушек, отложились главным образом в Рукописном отделе Пушкинского Дома. В этих письмах содержатся некоторые неизвестные факты, а пересказ сообщенного И. С. Аксаковым в переписке с родными о его взаимоотношениях со Смирновой-Россет сопровождается (как правило, имплицитно) упоминанием реакции на них в семье Аксаковых.

Знакомство 22-летнего И. С. Аксакова со Смирновой-Россет¹³ состоялось в Калуге, куда он был определен 12 июля 1845 года на должность товарища председателя Палаты уголовного суда (приступить к службе должен был в начале сентября, по окончании отпуска). Почти одновременно, 6 июня, калужским губернатором был назначен Н. М. Смирнов, муж Александры Осиповны.

Об этом Аксаковы узнали в самом конце лета, и 24 августа В. С. Аксакова сообщала Карташевской: «На днях маменька ездила в Москву с Ваничкой закупать ему все нужное. Дён через 10 он едет уже в Калугу; как скучно ему там будет одному; говорят, город очень плох. — Новым губернатором туда назначен Смирнов, и жена его скоро туда приедет, Иван не избежит, разумеется, знакомства с ними».¹⁴ 12 сентября она же упоминала: «Ваничка уехал из Москвы в Калугу уже неделю тому назад, до сих пор еще не получили от него писем» (10615, 93 об.). И далее делилась своими беспокойствами, поскольку в семье на младшего брата Ивана смотрели как на юношу, мало приспособленного к практической жизни с ее бытовыми потребностями, хотя и способного внушить к себе уважение в обществе. Вера писала сестре: «Ты его совсем не знаешь, мой милый друг. Не говоря уже о том, что он во многом переменялся, но он никогда не умел особенно о себе позаботиться и не знает ничего, что нужно для устройства. Может быть, в другом отношении, как, например, себя повести с разными лицами, как сохранить в обществе самостоятельность, может быть, на то у него и есть способность, но не для хозяйственного устройства и не для домашних забот. С нетерпением ожидаем от него писем и надемся получить на днях» (10615, 93 об. — 94).

Первое письмо Иван отправил родным 7 сентября, сразу по приезде в Калугу, прямо из гостиницы. Впоследствии писал регулярно. 1 октября Вера сообщала о брате: «От него получаем большие письма раза два в неделю, и письма такие интересные во многих отношениях. — Там именно назначен тот самый Смирнов, т. е. муж той самой Смирновой, о которой я тебе писала и которая необыкновенно замечательная женщина, необыкновенно умна, это можно судить по письму ее к отесеньке <...> И сама она должна быть через

¹² См. основную литературу вопроса: *Касаткина В. Н.* Н. В. Гоголь, Россет-Смирнова и Иван Аксаков: эпизоды литературного общения // *Русская словесность*. 1998. № 4. С. 30–35; *Колосова Н. П.* Россети черноокая. М., 2003. С. 185–230; *Анненкова Е. И.* Аксаковы и А. О. Смирнова-Россет (модели частной и общественной жизни в контексте культуры) // Вторые Аксаковские чтения: Сб. материалов Всероссийской науч. конф. 21–24 сентября 2006 г. Ульяновск, 2006. С. 75–84; *Мани Ю. В.* Гнезда русской культуры: кружок и семья. М., 2016. С. 499–508.

¹³ Ей к тому времени исполнилось 36 лет, и едва ли вполне корректно такое описание: «...некогда знаменитую фрейлину Александру Осиповну Россет <...> Иван Сергеевич застал уже стареющей дамой...» (*Кошелев В. А.* Сто лет семье Аксаковых. СПб., 2019. С. 223–224).

¹⁴ ИРЛИ. № 10615. Л. 91. Далее ссылки на этот («шифрованный») фонд приводятся в тексте сокращенно, с указанием единицы хранения и листа.

месяц в Калуге;¹⁵ кажется, все ее знакомые и даже муж рассчитывают на брата Ивана как на общество для нее, об Иване она, разумеется, слыхала и, вероятно, через Самарина¹⁶ читала его стихи. <...> Смирнов уже заранее сказал Ивану, что когда жена его приедет, то он просит приезжать его каждый день, потому что она будет мало выезжать. — Иван очень скучает своим одиночеством и вместе и обществом Калуги» (10615, 104–104 об.). Поэтому все Аксаковы с нетерпением ждали прибытия в Калугу Смирновой-Россет, так что Аксаков чуть ли не в каждом письме упоминал о том, что она пока не приехала. Да и Александра Осиповна сама заинтересовалась юным поэтом-чиновником. 12 сентября она писала Гоголю в связи с будущим переездом в Калугу: «У нас там служит один из Аксаковых; я этому очень рада...».¹⁷

Вскоре, 2 ноября, по настойчивому желанию Гоголя она познакомилась с С. Т. Аксаковым, а на следующий день — и с К. С. Аксаковым и, как известно, на обоих произвела поначалу невыгодное впечатление: они обманулись в своих ожиданиях, были разочарованы, по их признанию, ее бесцеремонностью в обращении с ними и неуместной иронией во время беседы. В ответ на их визиты она перед отъездом в Калугу собиралась посетить Радонежье (как тогда Аксаковы называли недавно приобретенное ими Абрамцево).

12 ноября В. Аксакова сообщила сестре в Петербург: «Дорога и погода была так дурна, что Смирнова не поехала к Троице, а написала премилое и умное письмо, которое во многом примирило с ней и тех, которые не совсем были довольны первым свиданием с этой женщиной. — Ожидаем, что скажет нам на это Иван, от которого мы продолжаем получать большие и интересные письма и даже стихи иногда» (10615, 125 об.).

В письме от 13 ноября И. С. Аксаков рассказал родным о том, как накануне познакомился с губернаторшей. Лейтмотивом письма стала фраза: «Это не женщина, а просто черт, бес».¹⁸ 19 ноября В. С. Аксакова извещала сестру: «Иван наконец виделся со Смирновой и, увы, — совершенно разочаровался. Он себе составил об ней высокое понятие, думал видеть женщину необыкновенную и был до того поражен, удивлен неприятно, что все письмо его было наполнено тем неприятным впечатлением, которое она на него произвела. Мы ожидали этого; отесенька и брат, которые видели ее прежде и почти такое же вынесли от нее впечатление, нарочно к нему не писали до тех пор, пока он сам ее не увидит; впрочем, на первом разе нельзя произносить суждение об женщине, об которой так высоко отзываются люди, заслуживающие доверия полного» (10615, 128–128 об.). И далее Вера Сергеевна высказывает мнение о Смирновой-Россет, вероятно сформировавшееся к тому времени в гостиний Абрамцева: «Может быть, это одно из тех капризных существ, которые забавляются даже неприятным впечатлением, производимым ими, и только, может быть, в некоторые минуты разоблачают всю глубину души своей. Но так,

¹⁵ Следует отметить ошибку, встречающуюся в литературе: «Незадолго до приезда Ивана Сергеевича в Калугу поселилась Александра Осиповна Смирнова-Россет...» (Манн Ю. В. Гнезда русской культуры. С. 499). На деле она впервые попала в Калугу только 12 ноября (см.: Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 213 (сер. «Литературные памятники»)), т. е. спустя 35 дней после приезда сюда Аксакова.

¹⁶ Юрий Федорович Самарин познакомился со Смирновой-Россет, скорее всего, осенью 1844 года. В своем «Баденском романе» она называла его «самым серьезным» из тех, кто ухаживал за ней в Петербурге; вскоре после первой встречи Самарин, по ее словам, признался ей: «...я вас люблю и до безумия влюблен в вас» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 506 (сер. «Литературные памятники»)), но отношения оставались дружескими, и вплоть до кончины Самарина их объединяла доверительная переписка. Во многом благодаря Самарину и произошло сближение Смирновой-Россет со славянофилами.

¹⁷ Русская старина. 1890. № 6. С. 648.

¹⁸ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 213.

как она явилась им в первый раз, то нельзя и предполагать, чтоб в ней была глубокая душа; умна она очень, но тон ее, обращение до того бесцеремонно, что даже оскорбляет, такая короткость даже неприятна. Она между людьми незнакомыми более насильственна выходит, нежели принуждение. В лице ее, говорят, нет никакой приятности, только живость необыкновенная» (10615, 128 об. — 129). В ответном письме (от 26 ноября) Карташевская упоминала об И. С. Аксакове: «Жаль, что Смирнова ему не понравилась, но, может быть, он еще переменит свое мнение. Я совершенно с тобой согласна в том, что ты говоришь по поводу ее, и я тоже верю суждению людей, заслуживающих полное доверие и которые, зная ее коротко, относятся о ней с похвалой» (10639, 115).

И И. С. Аксаков, как известно, вскоре действительно пересмотрел свои представления о Смирновой-Россет. 3 декабря Аксакова сообщала о брате: «Его письма столько интересны во всех отношениях, теперь же особенно по его изменяющемуся суждению о Смирновой. Теперь оно гораздо выгоднее для нее, и я думаю, он придет к тому же заключению, как и другие. — Что в ней нет ничего женского, это надобно заранее принять. — Стихи Пушкина „В альбом“ написаны к ней, и отесенька говорит, что они совершенно ее выражают и определяют. <...>¹⁹ Вот Смирнова, и конечно, это замечательная женщина или, лучше, замечательный человек, как об ней выражаются некоторые. Стихи Лермонтова:

Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу,²⁰

— также к ней» (10615, 134–134 об.).

10 декабря Аксакова передавала новые известия — об очередном разочаровании брата: «Иван сообщает нам все свои впечатления и заключения о Смирновой — во всяком случае необыкновенно замечательном явлении. Но изо всего видно, что она не очень ему нравится. В ней почти совершенное отсутствие эстетического чувства, она сама это говорит, но зато музыка вознаграждает ее за этот недостаток. — Стихи, кроме смысла, заключающегося в них, почти не производят на нее впечатления. Для Ивана, который в Калуге никому и ни с кем не читает стихов, было бы очень приятно найти кого-нибудь, с кем мог бы он разделить свои эстетические впечатления, и этого именно не нашел он» (10615, 138–138 об.).

Однако уже 27 декабря Аксакова писала о новой перемене в умонастроениях Ивана: «Хотела было я рассказать тебе подробнее о А. О. Смирновой, но об этом надобно говорить много, а теперь мне некогда, я тебе скажу только результат, что Иван говорит то же о ней, что и Гоголь, и в самом деле, по его рассказам об ней, она представляется только необыкновенным существом, такой высокой натурой, что мелкие кажутся все наши прежние определения и заключения об ней. — Несмотря на то, ее приемы, ее привычки часто оскорбляют. <...> Она в постоянной ипохондрии» (10615, 141 об.).

Эти перемены к лучшему в настроении И. С. Аксакова не отменяли того факта, что его довольно тесное общение со Смирновой-Россет постоянно омрачалось ее вызывающе своенравным поведением. Приведем несколько цитат из его писем за первые недели их знакомства, контекстно сходных с негативными оценками героини в стихотворении «Юноше». 13 ноября (родным): «Я не в силах высказать вам того неприятного, оскорбительного впечатления,

¹⁹ В письме целиком приведено стихотворение Пушкина «В альбом А. О. Смирновой» с двумя разночтениями (очевидными ошибками).

²⁰ Строки из стихотворения «А. О. Смирновой» (1840): *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 300.

которое она на меня произвела. <...> моя душа была так внутренне оскорблена, что я не решусь ни за что, мне кажется, читать ей свои стихи, где есть хоть малейший оттенок чувства, мечты...»;²¹ 17 ноября (Д. А. Оболенскому): «Что она умна, как черт, как бес, — это видно с первого взгляда, но она была так зла, явилась мне такою эгоисткою, так мало было любви, грусти и сострадания в ее энергических ругательствах, что все это меня огорчило и поразило чрезвычайно неприятно»;²² 24 ноября (К. С. Аксакову): «...Смирнова, как некий злой демон, огорчив, оскорбив, смутив меня, растравив мое тщеславие и самолюбие, нарушила строй души. Я часто выдаюсь с нею, но постоянно выношу неприятное впечатление, так что она иногда мне становится в тягость»;²³ 1 декабря (родным): «Я убедился, что она не притворяется, не играет комедии и гораздо менее замечательная женщина, нежели мы думали».²⁴ С. Т. Аксаков в письме к Ивану от 3 декабря подтверждал (и его слова тоже близки по смыслу к высказанному в стихотворении «Юноше»): «Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости; она родилась такою».²⁵ Показательна и поздняя оценка Смирновой-Россет со стороны вдовы писателя А. Ф. Аксаковой: «...она отталкивает его излишней свободой суждений и речей, в которых слышится жалкая опытность, приобретенная ею в гнилой среде большого света».²⁶

Е. И. Анненкова справедливо объясняет сложный характер общения И. С. Аксакова и Смирновой-Россет тем, что «они являли собою разные культурные эпохи»: начала личности Александры Осиповны «культивировались атмосферой карамзинского салона, пушкинского Царского Села, дворцовыми отношениями»;²⁷ мировоззрение же Аксакова формировалось в эпоху 1840-х годов, диктовавшую приоритет общественного над частным, когда на смену демонстративной веселости и эстетической игре приходили внутренняя серьезность и духовное трудолюбие.²⁸ Важно учитывать и психологический аспект их общения, порождавший вспышки взаимного раздражения. Смирнова-Россет писала С. Т. Аксакову 1 июня 1846 года: «У Ив<ана> Серг<еевича> еще много жесткости в суждениях, он нелегко примиряется с личностями, потому что он молод и не жил еще. Со временем это изменится непременно, шероховатость пройдет. Вся жизнь учит нас примиренью с людьми...».²⁹ И. С. Аксаков, ознакомившись с этой характеристикой Смирновой-Россет, в письме от 15 июня заявил родным: «Все, что она пишет <...> обо мне — преглупо. У ней есть комок: опытность, знание людей, учительский тон; я ей это объявил вчера».³⁰

Около 22 декабря 1845 года И. С. Аксаков покинул Калугу, чтобы отпраздновать Рождество в кругу семьи. Он планировал вернуться к месту службы в середине января 1846 года, но заболел — и по настоянию семейного доктора А. И. Овера остался в Абрамцеве.

²¹ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 213, 214.

²² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 13–13 об.

²³ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 221.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Русский архив. 1895. № 12. С. 427.

²⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2003. Т. 1. С. 191.

²⁷ Анненкова Е. И. Аксаковы и А. О. Смирнова-Россет. С. 76.

²⁸ См.: Там же. С. 79–80.

²⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1. С. 281. С. Т. Аксаков 6 июня переслал сыну в Калугу выписку из этого письма, и тот позднее оттолкнулся от окончания процитированной нами фразы в своем первом послании к Смирновой-Россет («Вы примиряетесь легко...»).

³⁰ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 268.

14 февраля В. С. Аксакова писала Карташевской: «Ивану же Овер (не смотря на то что он теперь совершенно здоров) не позволяет выехать до весны, продолжать после серных ванн отрубные³¹ и не курить в продолжение всего этого времени; как ни тяжело это для него, но нечего делать. Овер только теперь сказал, что ему угрожала ужасная опасность, если б его не остановили здесь и не подвергли такому строгому лечению. Он говорит, что у Ивана ртутная болезнь, то есть вследствие сильных лекарств, которыми он без разбору лечил себя в Калуге. — Истинно надобно благодарить Бога, что это все так устроилось» (10616, 15–15 об.). Через месяц, 13 марта, Вера сообщала: «Мы думаем, как бы Ивану не приказали ехать в чужие края, ему надобно хорошенько полечиться; но если и велят ему ехать, то еще нескоро. — Бедный Иван, очень невесело ему проводить так свое время, и совестно очень в отношении его службы» (10616, 27 об.). В итоге Аксаков прожил с родными четыре месяца и вернулся в Калугу только 29 апреля.

Если он сочинил стихотворение «Юноше», то это произошло в Абрамцеве за три недели до его отъезда. Такое, признаться, довольно удивительно и на И. Аксакова непохоже: получается, что, не видя Смирнову-Россет так долго, он все же копил в себе недобрые чувства и в конце концов разражается гневными стихами о ней, адресуя их условному «юноше» (как бы самому себе).

Однако эту версию опровергают признания самого Аксакова в письмах к другу и родным, что он с начала 1846 года и вплоть до мая вообще не сочинял стихов. 4 мая он писал из Калуги князю Оболенскому в Петербург: «Целых 4 месяца не отвечал на твое пространное письмо. Ты знаешь, вероятно, что я прожил их не в Калуге, а дома, был болен, — а теперь вот уже 4 дни как я здесь. <...> А я не нахожу лучшего средства загладить свою вину перед тобою, — как прописать тебе, в виде послания, стихи, написанные мною вчера, первые стихи, написанные мною в течение целых 4х месяцев!...»³² И далее Аксаков помещает свое известное стихотворение «Andante», которое в цитируемом письме озаглавлено «К. Д. А. О.», т. е. «Князю Д. А. Оболенскому»³³ («andante» приписано ниже на правом поле со строчной буквы и подчеркнуто). К письму родным, отправленному в тот же день (4 мая), Аксаков тоже приложил список «Andante», подтвердив, что это первые его стихи после долгого перерыва: «...мне приятно было писать их после долгого молчания. По крайней мере, брешь проломана».³⁴

Невозможно даже предположить, чтоб Аксаков лукавил. Значит, отложившееся в его бумагах стихотворение «Юноше» создано не им. Вместе с тем настоящий автор явно был хорошо осведомлен в том, что происходило в гостинице калужского губернатора в конце 1845 года, и при этом горячо сочувствовал «юноше», попавшему под обаяние женщины, которой

...подобает не добрая слава
Чистейшей любви, неземной красоты, <...>
Но слава — какую давно по вселенной
Гремел и доселе гремит Вавилон.³⁵

³¹ Отрубные ванны — лечебные, с применением пшеничных или овсяных отрубей.

³² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 19.

³³ Указываем на этот факт, поскольку он не был отмечен в литературе.

³⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 244.

³⁵ Здесь поражает случайное, по-видимому, совпадение с известными пушкинскими определениями красавицы А. П. Керн: «гений чистой красоты» в стихах, созданных не позднее 19 июля 1825 года, и «наша Вавилонская блудница» в письме к А. Н. Вульфу от 7 мая 1826 года. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 406; Т. 13. С. 275.

На наш взгляд, идейно-тематическое содержание поэтического послания «Юноше», особенности его стихотворной формы и стилистические приемы позволяют с уверенностью атрибутировать это произведение Н. М. Языкову.

Но прежде чем обратиться к стиховедческому анализу этого произведения, укажем на связь его замысла с творческой биографией поэта. Как известно, в тот период он, вернувшись в 1843 году из-за границы, где провел зиму в Риме вместе с Гоголем, попадает в Москву в момент наиболее ожесточенного противостояния двух лагерей — западнического и славянофильского. И без колебаний примыкает к последнему, чему способствовали родственные связи: его сестра Екатерина с 1836 года была замужем за А. С. Хомяковым, братья Петр и Александр и сестра Прасковья (в браке Бестужева) разделяли убеждения зятя. В 1844–1846 годах Языков пишет целый ряд страстных «полемических посланий», направленных против представителей западничества, которых обвиняет в стремлении «испортить нас и онемечить Русь».³⁶ Самое знаменитое из них — процитированное «К ненашим» (1844) — способствовало окончательному размежеванию славянофилов и западников как непримиримых идейных противников.

Известно, что эти послания печально отразились на репутации поэта-романтика как в XIX веке (Белинский объявил его «заживо умершим талантом»,³⁷ Герцен — «святошей», избравшим «полицейскую нагайку»³⁸), так и тем более — в советское время. Поэтому вызывает уважение мужество А. А. Карпова, решившегося в 1982 году в подцензурной печати разъяснить позицию поэта, который «адресует свои страстные инвективы не столько этим мало-знакомым ему людям,³⁹ сколько тем явлениям, течениям общественной мысли, в которых он видит зло современной жизни», отсюда «преувеличенность обвинений, необычайная резкость характеристик». Исследователь при этом справедливо указывал на «связь этих сочинений с жанрами церковной проповеди и обличения».⁴⁰ Полемическое послание «Юноше» вполне соответствует этим особенностям позднего творчества Языкова.

Он был знаком со стихами И. С. Аксакова, распространявшимися в то время в списках. 21 ноября 1845 года Языков так аттестовал Гоголю юного поэта: «В Калуге служит в губернском правлении Иван Аксаков — юноша с большим талантом: вытребуй от С<ергея> Т<имефеевича> стихов его».⁴¹ В том же письме, рассказывая о пребывании Смирновой-Россет в Москве, Языков сообщает, что она «виделась с Аксаковыми» и, «как слышно, хотела уговорить Константина Акс<акова> перестать носить русскую рубашку и зипун (костюм, в коем с некоторого времени этот добрый юноша является везде и всюду), но не тут-то было — не на такого напала».⁴² И в дальнейшем Языков, извещая Гоголя о московских знакомых, всегда проявлял осведомленность в делах Аксакова: 18 февраля 1846 года: «И. Аксаков всю зиму был болен, теперь выздоравливает»;⁴³ 19 марта: «У нас составляется литературный сборник <...> в него войдет <...> много стихов И. Аксакова...»;⁴⁴ 30 апреля: «Ив. Аксаков уехал в Калугу, где он служит в палате».⁴⁵ При этом к Смирновой-Россет Языков относился с предубеждением — еще до ее личного

³⁶ Языков Н. М. Соч. / Сост., вступ. статья, прим. А. А. Карпова. Л., 1982. С. 200.

³⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 461.

³⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 167.

³⁹ Подразумеваются прежде всего Белинский, Герцен, Грановский, Чаадаев.

⁴⁰ Карпов А. А. Судьба Николая Языкова // Языков Н. М. Соч. С. 19.

⁴¹ Русская старина. 1896. № 12. С. 639.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 641.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 643.

знакомства с Аксаковыми, в июне 1845 года, он писал главе семейства: «Возвращаю вам письмо г-жи Смирновой: пишет она умно и довольно правильно: но ведь эти достоинства все-таки не мешают ей быть сиреною, плавающей в прозрачных водах соблазна: так понимает ее и Хомяков». ⁴⁶ Вполне вероятно, что Языкову, который тяжело болел и не выходил (по вторникам у него собирались друзья), приносили на прочтение и калужские письма Аксакова либо пересказывали их содержание.

Ранее, только узнав, что Аксаков был направлен на службу в Калугу, где губернатором стал Н. М. Смирнов и куда должна была перебраться его жена, Языков, совершенно неожиданно для Ивана, посвятил ему восторженное послание в стихах, начинающееся словами «Прекрасны твои песнопенья живые...», датированное при публикации 31 октября 1845 года ⁴⁷ (Аксаков получил его 9 ноября). ⁴⁸ Ключевыми здесь были строки, игриво, в духе мадригальной поэзии пушкинского времени отсылающие к Смирновой-Россет:

...и если тебя очарует
Красавица роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои <...>
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпейайся
Красавице розе, певец-соловей! ⁴⁹

Легковесное и при этом настойчивое двукратное упоминание «красавицы розы» покорило адресата; правда, содержащийся здесь намек на Смирнову-Россет поначалу не был им понят. Аксаков в тот период сосредоточенно работал над поэмой «Мария Египетская», размышлял о высоком предназначении русской женщины-христианки, ⁵⁰ в его архиве сохранились многочисленные записи того времени, озаглавленные «Выписки из Евангелия о женщинах и т. п., кроме слов о рождении Иисуса и о Богородице». ⁵¹

В целом же он был польщен вниманием известного поэта, хотя ценил его не очень высоко (15 июля 1844 года он писал родителям из Астрахани по поводу стихотворения Языкова «М. П. Погодину»: «Да, я и забыл о стихах Языкова. Хороши и легки по обыкновению, но больше ничего» ⁵²). О полученном поэтическом послании он сообщал домой 10 ноября 1845 года: «Этот сюрприз был мне, разумеется, очень приятен. Стихи хороши, особенного, впрочем, ничего нет <...> Не понимаю только, к чему он все толкует мне про любовь и красавицу-розу, певца-соловья, ее воспевающего. Любовь меня не занимает ни сколько, я об ней и не мечтаю и не думаю. <...> Разумеется, я буду отвечать

⁴⁶ Языков Н. М. Соч. С. 387.

⁴⁷ Современник. 1846. Т. 41. № 3. С. 409.

⁴⁸ Обмену поэтическими посланиями между Языковым и Аксаковым посвящена статья: Рассадин А. П. Об одном недоразумении в отношениях между Иваном Аксаковым и Николаем Языковым // Третьи Аксаковские чтения: Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 г.). Ульяновск, 2011. С. 114–121. Мы остановимся лишь на некоторых нюансах, не отмеченных в этой работе.

⁴⁹ Языков Н. М. Соч. С. 209.

⁵⁰ См.: Вихрова Н. Н. Пушкинские реминисценции в представлениях И. С. Аксакова об идеале русской женщины // XV Аксаковские чтения: Материалы междунар. конф., Уфа, 24–26 сентября 2015 г. Уфа, 2015. С. 22–29.

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 102.

⁵² Аксаков И. С. Письма к родным. С. 123.

стихами же Языкову и очень ему благодарен...».⁵³ 17 ноября Аксаков уведомлял родных: «...начал послание к Языкову...»,⁵⁴ а 20 ноября: «Я написал ответ Языкову, но еще не послал к нему. Посылаю к вам; если найдете годным, то пошлите к нему...».⁵⁵ Это было, так сказать, в полном смысле слова «политкорректное» произведение, исполненное чувства благодарности за «приветное послание» и «ободряющую руку». Так же вежливо выразил Аксаков свое недовольство языковской «красавицей розой», которая под его пером нечаянно превратилась в «деву-розу»:

Суровой юности моей
Не возмущали девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные розы!⁵⁶

Тем самым произошло совпадение (поначалу не осознанное Аксаковым) с обозначением Смирновой-Россет в стихотворении Хомякова «Ей же» («О дева-роза, для чего...»), опубликованном в 1832 году. Аксаков, по его признанию, воспринимал это выражение за «эпитет старый, изношенный, казенный».⁵⁷

Как дальше развивались события, Аксаков рассказал брату Константину в обстоятельном письме от 24 ноября. В один из вечеров в губернаторском доме зашел разговор о Языкове и Иван «сказал, что получил от него послание», Смирнова-Россет «приказала принести и послание».⁵⁸ Она выслушала стихи Языкова и ответ на них Аксакова. «„Красавица-роза“ — это какое-то знакомое выражение, — сказала она, — где это — у Пушкина, что ли?» В ходе дальнейшей беседы Аксаков уяснил неприятный для него подтекст языковского послания: «Признаюсь, истинно я забыл, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову. Так мало она похожа на розу, так мало в ней привлекательного и очаровательного, так к ней трудно почувствовать что-либо в душе, что мне это и в голову не пришло». Вполне определенно это подтвердили Ивану и родные, судя по его оговорке: «...вы пишете, что под красавицей-розой надо подразумевать Смирнову...».⁵⁹

И. С. Аксаков теперь огорчен, что обманулся, приняв всерьез довольно легковесные салонные стихи с фривольными намеками. Он решает переписать свой ответ Языкову и признается брату Константину: «Теперь, когда я понял, что послание Языкова ко мне просто шутка, мне очень досадно, что я отвечал так важно и серьезно. Это смешно».⁶⁰ Наконец, 15 декабря он информирует родных: «По нынешней же почте посылаю Языкову переделанное послание...»⁶¹ Здесь он уже не подделывался под возможные ожидания своего адресата, а искренно высказал свое кредо, во многом предвещающее мотивы некрасовского «Поэта и Гражданина», и при этом как бы давал клятву самому себе:

Да тяжесть нашего греха
И поклонение дивану
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!

⁵³ Там же. С. 212.

⁵⁴ Там же. С. 215.

⁵⁵ Там же. С. 218.

⁵⁶ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 256.

⁵⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 223.

⁵⁸ Там же. С. 222.

⁵⁹ Там же. С. 223.

⁶⁰ Там же. С. 225.

⁶¹ Там же. С. 237.

Пусть строгой юности моей
 Не возмущают девы-розы <...>
 Но всюду нам, среди пиров
 И всяких суетных занятий,
 Да будут слышны вопли братий,
 И стон молитв, и гром проклятий,
 И звуки страшные оков!⁶²

Современный исследователь, проанализировавший поэтический диалог Языкова с Аксаковым, в заключение заметил: «К сожалению, реакция Языкова на эти послания неизвестна»⁶³ (имеются в виду две редакции ответа Аксакова). Однако, как выясняется, реакция все-таки последовала — в виде стихотворения «Юноше», которое трудно воспринять иначе, как извинение Языкова перед Аксаковым за невольное причиненное ему огорчение и, вместе с тем, как бичевание современного зла, которое желчный поэт усматривал в идеологии жоржсандизма, постепенно усиливавшей влияние в России,⁶⁴ — бичевание именно в духе обличительной церковной проповеди.

И. Г. Рябий, изучавшая «эволюцию жанра послания в лирике поэтов пушкинской плеяды»,⁶⁵ выделяет в качестве наиболее характерной для Языкова такую особенность: у него «прежде всего начинает нарушаться связь с адресатом, часто из послания выпадает портрет адресата, отсутствует сиюминутность эпистолы, лирическое начало почти всегда поглощает ее. Иногда его послания выглядят лирической исповедью...».⁶⁶ Эта особенность вполне проявилась и в стихотворении «Юноше».

С точки зрения метрической организации оно аналогично инициировавшему поэтический диалог посланию Языкова «И. С. Аксакову», в чем можно видеть особую мету. Послание «Юноше» точно так же написано 4-стопным амфибрахийем; в нем, правда, не шесть четверостиший, а пять. Аксаков в рассматриваемый период не пользовался этим размером (исключение — разно-стопное послание «При посылке стихотворений Ю. Жадовской», датированное 19 декабря 1846 года, а позднее ряд глав поэмы «Бродяга»), зато для Языкова 4-стопный амфибрахий был нередок — им написаны 17 его произведений (в семи из них он перемежается с 3-стопным).⁶⁷ Впрочем, 4-стопный амфибрахий, хотя и довольно экзотичен для первой половины XIX века, встречается и у других поэтов: у Жуковского им написано 18 произведений, у Пушкина — 8, у Баратынского и Дельвига — по 4, у Тютчева — 3, у Батюшкова — 1; но, например, Востоков и Кольцов этот размер не использовали.⁶⁸

⁶² Цит. по автографу, датированному 14 декабря и отложившемуся в архиве Языковых: ИРЛИ. Ф. 348. № 41. Л. 2. Он имеет небольшие разночтения с окончательным вариантом, опубликованным в серии «Библиотека поэта». Например, второй стих в приведенной цитате приобрел абстрактный смысл: «И поклонение обману», а пятый — лишился выпященного эпитета «строгой»: «Пускай же юности моей...» (Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 66).

⁶³ Рассадин А. П. Об одном недоразумении... С. 121.

⁶⁴ См.: Кафанова О. Б. Жорж Санд и начало разрушения патриархального сознания в русской литературе XIX века // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 8 (59). С. 31–37.

⁶⁵ Так озаглавлена кандидатская диссертация исследовательницы (М., 1988).

⁶⁶ Рябий И. Г. Жанр послания в лирике Н. М. Языкова // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII–XIX веков: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1986. С. 57.

⁶⁷ Подсчет произведен по наиболее полному изданию наследия поэта: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья К. К. Бухмейер; сост., подг. текста и прим. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁶⁸ См.: Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 1979. С. 94, 112, 137, 247, 273, 319, 352, 397.

В послании «Юноше» обращает на себя внимание лексема «Вавилон» — маркированная в цикле поздних посланий Языкова отсылкой к апокалипсическому образу «матери блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17: 4). Приведем примеры: «Сменять на пышную блудницу / На вавилонскую готов!» («Константину Аксакову», 1844), «Ни проповедник Вавилона, / Ни вредоносный ихневмон» («Петру Васильевичу Киреевскому», 1845). Присутствует соответствующий эпитет и в послании Языкова «И. С. Аксакову»: «Беги ты далеко от шумного света, / Не знай вавилонских работ и забот...».⁶⁹

Героине послания, у которой «душа <...> нечиста и лукава», противопоставлена «жена благодушная, смиренная», идеальный портрет которой Языков создал в стихотворении «В альбом». Оно было вписано в альбом его младшей сестры Катерины Михайловны Хомяковой и датировано днем рождения ее мужа А. С. Хомякова (1 мая 1845 года). Начинается словами:

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.⁷⁰

Полную антитезу этому описанию представляют строки послания «Юноше». Отмечаем этот факт, поскольку Аксаков наверняка был у Хомяковых в этот праздничный день и слышал чтение стихов, посвященных хозяйке дома, или/и прочел их в альбоме. (Он в тот период, возвратившись из Астрахани, где состоял членом ревизионной комиссии, жил в Москве у родителей; с конца марта 1845 года продолжал службу секретарем в Уголовном департаменте Сената.)

Известно только одно письмо Языкова к Аксакову, оно пока не публиковалось. Под ним стоит дата — 19 апреля 1846 года, т. е. через 15 дней после послания «Юноше». Не исключено, что текст стихотворения был приложен к этому письму.⁷¹ Оно написано самим Языковым, а список «Юноше» — рукой неизвестного каллиграфа. В свое время В. И. Шенрок называл почерк поэта «убийственным», а М. К. Азадовский, составивший обзор языковского архива, подтверждал это заключение, упоминая о «достаточно нелегкой задаче расшифровки почерка Языкова».⁷² Поэтому произведения, предназначенные для печати, он предварительно отдавал переписчикам для снятия копий.

Приведем текст этого небольшого письма, точнее — записки:

«Я буду сердечно рад, если мое стихотворение, которое Вы называете свистом, исключится из „Московского ученого и литературного сборника“. Но как быть, когда оно уже напечатано? но и что же поставить вместо его? Уверю В<ас>, что я, всеми от меня зависящими средствами, стараюсь сделать Вам угодное.

Ваш Н. Языков

Апреля 19 дня
1846».⁷³

⁶⁹ Цит. по: Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. С. 353, 356, 364.

⁷⁰ Там же. С. 358.

⁷¹ На это косвенно может указывать следующее: письмо занимает два небольших листа (один чист), а список стихотворения «Юноше», ныне составляющий отдельную единицу хранения, был пронумерован архивистом как «лист 3». К тому же на этом листе видны следы сгибов — он поначалу был сложен вчетверо и, видимо, помещался в небольшом конверте.

⁷² Азадовский М. Судьба литературного наследия Н. М. Языкова // Лит. наследство. 1935. Т. 19/21. С. 364–365.

⁷³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 722. Л. 1–1 об.

Речь идет о славянофильском «Московском ученом и литературном сборнике» (М., 1846), подписанном к печати цензором И. М. Снегиревым уже спустя три недели — 13 мая. Здесь увидели свет два произведения Языкова: «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» и «Самсон» (и при этом — пять стихотворений И. С. Аксакова). Можно предположить, что послание «Юноше» предлагалось Языковым как возможная замена какому-то его тексту, не понравившемуся Аксакову, но по понятным причинам было отвергнуто последним.

Вместе с тем текст послания Языков мог передать и лично при встрече. 24 апреля 1846 года в Москве состоялось первое представление водевиля К. С. Аксакова «Почтовая карета» — Иван Сергеевич выехал из Абрамцева, чтоб попасть на премьеру (Смирнова-Россет предложила ему место в своей ложе),⁷⁴ там же, вероятно, присутствовал и Языков, написавший о том, как прошел спектакль, Гоголю.⁷⁵ Из письма И. С. Аксакова к родным от 26 апреля известно, что он накануне вместе с братом Константином нанес визит Языкову, а на следующий день «еще обязан заехать к Смирновой <...> и обедать у Языкова»,⁷⁶ утром 27 апреля выехал к месту службы в Калугу. Таким образом, пробыв три дня в Москве, Аксаков ежедневно виделся с Языковым.

Смирнова-Россет, к которой Иван Сергеевич поехал первым делом по прибытии в Москву, находилась там на лечении: в письмах к П. А. Плетневу она жаловалась на нервное истощение и «беспрестанные головные боли».⁷⁷ Тому же корреспонденту она, кстати, сообщала 17 апреля, что ей не удалось договориться о публикации в «Современнике», издававшемся Плетневым, ни одного стихотворения славянофилов, в том числе и И. С. Аксакова, и пересказала свой разговор с навестившими ее Хомяковым и К. С. Аксаковым: «Я просила одну маленькую пьесу в „Современник“, но мне отвечали: „Хотя мы любим Плетнева и вовсе его не смешиваем с литературной ватагой в Петербурге, однако же ни один наш стих не хотим там печатать“. Я сказала: „Хорошо же вам, что я честный человек, ведь я могла же послать Плетневу много стихотворений, списанных для меня Иваном Сергеевичем в Калуге“».⁷⁸ Плетнев сетовал в письме к Я. К. Гроту от 24 апреля: славянофилы «не могут дать в „Современник“ стихов своих по закланной их ненависти ко всему, что только напечатано в С.-Петербурге, а не в Москве. Хороши гуси! Языков умнее их».⁷⁹

Существенно, наконец, то, что в обоих поэтических посланиях Аксакова, адресованных Смирновой-Россет, ощутимы следы чтения стихотворения «Юноше». Представляется, что именно его обличительный пафос побудил Аксакова создать в послании «Вы примиряетесь легко...», датированном 15 июня 1846 года, столь выразительный образ циничной героини и так негодовать и хлестко отчитывать ее:

А вы? вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,⁸⁰

⁷⁴ См.: Аксаков И. С. Письма к родным. С. 239.

⁷⁵ Языков Н. М. Соч. С. 390–391.

⁷⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 240, 241.

⁷⁷ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Изд. под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. 2. С. 930.

⁷⁸ Там же. С. 944.

⁷⁹ Там же. С. 743.

⁸⁰ Позднее, в письме от 21 июня, Аксаков фактически пояснял родным эти свои строки: «...мне тяжело видеть, что она так испорчена. Она сама употребила это выражение и говорила: „Я рано испорчена, давно потеряла чистоту души, в грехах прошла моя молодость...“» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 275).

И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!⁸¹

Фактически — в этих строках развивается тема послания «Юноше» с его противопоставлением «жены смиренной» и лукавой грешницы с «нечистой душой». Кроме того, характеризующие героиню в послании «Юноше» «бойкие и опытные думы», «проворный, блистательный ум» соотносятся в стихотворении Аксакова с его ироническими выпадами по поводу «снисходительности не в меру» и «мудрости», позволяющей «равнодушно созерцать / Паденье нравственное брата». А итоговая отсылка Языкова к библейскому Вавилону как средоточию нравственного разврата может быть поставлена в связь с инвективой Аксакова, тоже прибегающего к религиозной мотивировке в своих упреках в адрес героини:

Но, право, ваше примиренье —
Не христианская любовь!⁸²

В семье Аксаковых это послание Ивана оценили высоко. В. С. Аксакова писала Карташевской 29 июля 1846 года о брате: «Недавно он написал чрезвычайно сильные и прекрасные стихи <...> эти стихи написаны после одного серьезного спора с А<лександрой> Ос<иповной> Смирновой» (10616, 65–65 об.).⁸³ С похвалой отнесся к посланию «Вы примиряетесь легко...», как известно, и Тютчев. 13 сентября того же года он писал жене Э. Ф. Тютчевой в Петербург: «...посылаю стихи молодого Аксакова (Ивана Сергеевича), того, который состоит при М-те Смирновой. По-видимому, эти стихи были написаны вследствие бурного спора, в котором несколько пристрастная снисходительность дамы к человеческим слабостям столкнулась с добродетельной нетерпимостью молодого человека. Эти стихи были бы, конечно, дерзостью относительно особы, которой они адресованы, если бы не было условлено и принято считать, что в стихах, как и в музыке, можно сказать почти все безнаказанно. Действительно, стихи никогда не доказывали ничего другого, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя».⁸⁴

Во втором послании Аксакова, обращенном к Смирновой-Россет («Когда-то я порыв негодованья...», между июнем и августом 1846 года), также явственные отзвуки языковского стихотворения. В «Юноше» героине «подобает не добрая слава / Чистейшей любви, неземной красоты». У Аксакова лирический герой признается героине:

...я так искренно желал
Увидеть Вас на высоте достойной,
В сиянии чистейшей красоты...⁸⁵

Правда, обвинение Языкова, фактически объявляющего героиню вавилонской блудницей, видоизменяется в не менее веский, с точки зрения славянофила

⁸¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 74.

⁸² Там же.

⁸³ Поводом к спору, вспыхнувшему 14 июня, стало упоминание в разговоре флигель-адъютанта И. А. Нелидова, брата фаворитки Николая I и друга Смирновой-Россет. Аксаков назвал его «подлецом», «пользующимся выгодами своего положения» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 268; см. также: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 422). 15 июня Иван Сергеевич признался родителям: «Да, моя внутренняя гармония опять расстроилась, и я чувствую, что должен еще написать гремучие стихи против А<лександры> Ос<иповны> и примирения» (Аксаков И. С. Письма к родным. С. 269). В тот же день было написано послание «Вы примиряетесь легко...».

⁸⁴ Старина и новизна. СПб., 1914. Кн. 18. С. 17 (2-я паг.). Оригинал по-французски: Там же. С. 16 (1-я паг.).

⁸⁵ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. С. 75.

Аксакова, приговор: «...дама Вы, блистательная, света!..» (т. е. петербургская аристократка, равнодушная к отеческим преданиям). И в этом смысле аксаковская героиня сближается с образом Смирновой-Россет из стихотворения Хомякова «Иностранке», одного из самых ранних литературных воплощений этой незаурядной женщины:

Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса <...>
При ней скажу я: «Русь Святая!» —
И сердце в ней не задрожит.⁸⁶

Так оказался возвращен к своему далекому истоку и продолжен поэтический диалог двух поэтов, начатый в ноябре 1845 года и прервавшийся только кончиной Языкова в декабре 1846 года.

17 января 1847 года, препровождая родным свои стихотворения, в том числе и послания к Смирновой-Россет, Аксаков так их прокомментировал: «Эти стихи написаны были вследствие негодования, возбужденного во мне петербургскими воспоминаниями Алекс<андры> Осиповны. Недаром прожила она 20 лет в этом вонючем месте. Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила».⁸⁷

Вместе с тем, покидая Калугу в апреле того же года, Аксаков, согласно поздним мемуарам Смирновой-Россет, именно ей доверил судьбоносный выбор. Она вспоминала: «На прощание Аксаков меня спросил, что ему делать: продолжать ли авторскую карьеру, или продолжать службу в Москве, где ему предлагали место председателя уголовной палаты? Я ему отвечала: „А как вы думаете, спросил ли бы Пушкин, какую карьеру ему выбрать?“ И так я решила судьбу Аксакова...».⁸⁸

И правда, выбирая между безоглядной преданностью искусству, с одной стороны, и чиновничьей, а затем общественно-политической деятельностью — с другой, он остановился на последней. Справедливо утверждение Е. С. Калмановского: «В произведениях Аксакова-поэта действительно видим борьбу „искусства“ и „теории“. Есть живое, подлинное в его искусстве, есть неслучайная правда и в теории. Но органической соотнесенности, соподчиненности и разности двух сфер он все-таки не достиг. Потому Аксаков и оставил сочинение стихов; возможно, страдаая и опять-таки сомневаясь, но не находя в себе сил совершенно свободно и полно открыться в художественном создании».⁸⁹

Когда Смирнова-Россет скончалась, Аксаков откликнулся в своей газете «Русь» прочувствованным некрологом, и созданный им портрет почившей словно бы составили цитаты из стихотворений, посвященных ей Жуковским, Пушкиным, Хомяковым, Языковым, им самим. Аксаков писал: «Ее красота, столько раз воспетая поэтами, не величаявая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, пронизательных глаз, вся оживленная блестящим острого мысля, ее пылкий, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания, — скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение».⁹⁰

⁸⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 163.

⁸⁷ Аксаков И. С. Письма к родным. С. 345.

⁸⁸ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 230.

⁸⁹ Калмановский Е. С. Противоречия творческого сознания: Поэзия Ивана Аксакова // Русская литература. 1994. № 1. С. 71.

⁹⁰ [Аксаков И. С.]. А. О. Смирнова // Русь. 1882. 11 сент. № 37. С. 10.